

Максим Викторович Медоваров –

кандидат исторических наук, старший преподаватель Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

О суверенитете, русской демографии и будущем Евразийском союзе

Подписание договора о создании Евразийского экономического союза 29 мая 2014 года президентами России, Белоруссии и Казахстана — с учетом присоединения в ближайшие месяцы Армении и Киргизии, но в отсутствие Украины и в условиях нерешенных вопросов с цепочкой «непризнанных» и «частично признанных» государств — заставляет по-новому оценить перспективы развития этого межгосударственного образования. Особенно при переходе от экономической интеграции к политической и в свете меняющейся демографической ситуации.

Вопрос о том, какие страны и на каких условиях в дальнейшем войдут в Евразийский союз, может быть решен только после уяснения стратегического вопроса о политической и социально-экономической структуре этой будущей организации. А такая структура, в свою очередь, станет ясной только при пони-

мании демографических реалий. Пока не будет осознано принципиальное отличие Евразийского союза от Советского Союза, Российской империи, империи монголов и других систем подобного типа, мы обречены на то, что цели Евразийского союза останутся невнятными и малопривлекательными.

Понимание внутренних и внешних очертаний Евразийского союза произойдет только после того, как мы констатируем два фундаментальных факта, перестанем закрывать на них глаза и примем как нечто свершившееся и не подлежащее изменению в будущем.

Первый фундаментальный факт заключается в том, что пространства внутренней Евразии (не путать с Евразией как материком) были по-настоящему прочно объединены силами русского — прежде всего великорусского — этноса и под руководством русских монархов. Русский царь и русский народ были становым хребтом созданного единства евра-

Павел Рыженко. Русский век. Фотография на память. 2007 год

зийского пространства вплоть до времен СССР. Пространство от Балтики и Черного моря до Тихого океана является единственной географической средой, в которой русский народ может существовать естественным образом. Суверенитет России над этим пространством — условие *sine qua non* выживания русского народа, которому в любых других границах будет неестественно, неудобно — и он окажется обреченным на поражение, а в конечном счете и на исчезновение. Поэтому для процветания и приумножения русского народа последствия беловежского сговора 1991 года должны быть полностью преодолены. Пожалуй, с этим фактом согласятся и почти все монархисты и националисты (которых следует четко отличать от «нацдемов»), и почти все коммунисты и советские патриоты.

Второй фундаментальный факт сводится к утверждению, что русский народ уже миновал пик своего развития и находится в стадии упадка (фазе инерции — по Льву Гумилеву, в периоде вторичного смешительного упрощения — по Константину Леонтьеву). Преимуществом является то, что более старые народы Западной Европы находятся уже в кон-

Русский царь и русский народ были стовым хребтом созданного единства евразийского пространства вплоть до времен СССР.

це своего упадка и разложения, а для русских эта стадия еще только начинается, поскольку мы «моложе» лет на триста. Тем не менее сейчас необходимо трезво понимать: в XXI веке возвращения к системе управления страной времен Российской империи или Советского Союза быть не может. Реально добиться стабилизации численности и даже некоторого прироста русского населения (что, к слову, уже невозможно для европейских народов), однако дореволюционных величин рождаемости и крестьянской нормы по десять детей в семье нам достичь не удастся никогда. Российская Федерация уже уступила по численности населения Бразилии, Пакистану, Бангладеш, Нигерии... В то же время в современном глобальном мире жизнеспособны и конкурентоспособны только государства либо прочные надгосударственные образования с населением более 300 миллионов человек.

На факт невозможности возвращения русского народа к тем параметрам, которые позволяли ему безусловно господствовать над евразийским

пространством до 1917-го и в определенной мере до 1991-го, закрывают глаза многие патриоты. А те, которые не закрывают, часто идут по скользкой дорожке «национал-демократии», то есть измены Родине и призывам к ее расчленению, а также к ликвидации русского населения за пределами РФ в силу якобы обреченности на поражение. Вместе с тем мировой исторический опыт подсказывает другие решения.

Древнеримский этнос ушел в прошлое, но элита империи вовремя поняла, что спасать нужно не чистоту крови (от которой остались одни воспоминания), а латинский язык, государственные институты и границы, а также историческую преемственность. И спасение римскости (*Romanitas*) удалось! Ромейцы-византийцы еще тысячу лет несли латино-эллинскую культуру, язык, историческую традицию, не допустив их поглощения варварами. На Западе спасти политические институты империи не получилось, но сохранились Католическая церковь во главе с понтификом и официальный латинский язык,

Владимир Маковский. Крестьянские дети. 1890 год

В XXI веке возвращения к системе управления страной времен Российской империи или Советского Союза быть не может. Реально добиться стабилизации численности и даже некоторого прироста русского населения, однако дореволюционных величин рождаемости и крестьянской нормы по десять детей в семье нам достичь не удастся никогда.

линия преемственности от Античности не только не прервалась, но выиграла бой с северной культурой германцев и победила во всей Европе вплоть до Скандинавии.

Говоря о гибели Российской империи — одновременной и однородной с гибелью старых монархий (Османской, Каджарской и Цинской в Азии, Габсбургов и Гогенцоллернов в Европе), — следует обращать пристальное внимание на параллелизм в процессах «национализации империи», особенно ярких во второй половине XIX — начале XX века. В

Османской империи этот процесс начался созданием новых миллетов в 1840—1870-е годы (для православных болгар, армян-католиков, англикан и т.д.), образованием земских органов местного самоуправления и закончился отпадением окраин и выдвижением лозунга единой османской нации в начале XX века, что привело к катастрофическим последствиям с 1908 по 1924 годы. В итоге истребления и изгнания миллионов человек была создана относительно однородная кемалистская республика, но лишь на части

территории бывшей Османской империи. Ее однородность оказалась, впрочем, декоративной — невозможно десятилетиями скрывать от мира тот факт, что четверть населения страны составляют курды, а треть — шииты-алевиты. События начала XXI века, когда Турция стала отбрасывать кемалистские идеалы и вновь переходить к проекту создания неоосманского содружества, показали, что путь националистической изоляции бесперспективен. Нужда народа — в данном случае турецкого — в имперском пространстве рано или поздно найдет себе выход, и лучше, чтобы это произошло раньше и в более приемлемых формах, чем позже и в более уродливом виде, как это мы видим на примере политики Реджепа Тайипа Эрдогана.

Персия, будучи государством полиэтническим (лишь 50 процентов персов) и в значительной степени поликонфессиональным, по размерам уступала другим империям. Поэтому после краха прозападной монархии в 1979 году смогла остаться единым государством с господствующей шиитской конфессией, заменив династический фактор общности религиозным. Но при этом азербайджанцы (25 процентов населения страны) и другие меньшинства пользуются гораздо большей свободой, чем в большинстве соседних стран.

Британская империя не была похожа на Российскую империю ни по одному параметру. Но опыт XX века, когда большинство ее частей получило фактическую независимость при официальном признании королевы главой новообразованных государств — то есть опыт эффективной личной унии для трех десятков стран в разных частях земного шара, — несомненно, заслуживает пристального изучения.

Заслуживает его и опыт федеративной Германской империи, в которой прусский король являлся императором, а Пруссия имела большинство мест в двух палатах парламента и занимала две трети территории рейха, но в остальных частях империи сохранялись местные королевства и княжества. Федеративное устройство современной республиканской Германии обязано своей прочностью именно такой структуре, заложенной Бисмарком. Впрочем, следует иметь в виду, что в Германии — как до 1918 года, так и тем более в современной — коренных этнических меньшинств было очень мало, а немцы составляли абсолютное большинство населения, что принципиально отличает германскую ситуацию от российской.

Пьетро Каноника. Памятник Республики на площади Таксим. 1928 год

События начала XXI века, когда Турция стала отбрасывать кемалистские идеалы и вновь переходить к проекту создания неоосманского содружества, показали, что путь националистической изоляции бесперспективен. Нужда народа — в данном случае турецкого — в имперском пространстве рано или поздно найдет себе выход.

Наконец, империя Габсбургов отличалась и от Германии, и от России тем, что немцы — имперская нация — в ней составляли абсолютное меньшинство населения, к тому же в основном сосредоточенное на одной окраине. Тем не менее с огромным трудом немецкой династии Габсбургов

удавалось сохранять господство, играя на противоречиях между другими народами империи, вплоть до 1848 и даже до 1867 года. Но настала пора, когда такая технология перестала работать. Спасительным выглядел план Белькреди 1866 года, предлагавший разделение империи на пять госу-

Франц фон Ленбах. Отто фон Бисмарк. 1890 год

В Германской империи прусский король являлся императором, а Пруссия имела большинство мест в двух палатах парламента и занимала две трети территории рейха, но в остальных частях империи сохранялись местные королевства и княжества. Федеративное устройство современной республиканской Германии обязано своей прочностью именно такой структуре, заложенной Бисмарком.

дарств во главе с единым императором и некоторыми общеимперскими министерствами. Но была совершена роковая ошибка: в 1867 году вместо плана Рихарда Белькреди был принят план Фридриха Фердинанда фон Бейста, разделивший империю лишь на две части. В одной немецкое меньшинство господствовало над славянским большин-

ством при наличии особых привилегий для поляков. В другой — венгерское меньшинство тиранически господствовало над славяно-румынским большинством. Такое доминирование явно противоречило имперскому принципу. Выдающийся русский мыслитель Александр Киреев писал в конце XIX века: «Такие организмы поневоле делают

величайшие несправедливости, гадости, мерзости, потому что только ими могут продолжать свой “struggle for life”. Не могут такие организмы жить легко и честно, ибо то, что для другого организма ничто, безразлично или даже нормально, хорошо, — то для них яд. Австро-Венгрия стоит неправдой, как Польша — беспорядком». Гибель такого противоестественного образования, как Австро-Венгрия, была после соглашения 1867 года столь же неотвратима и неизбежна, как в свое время гибель первой Речи Посполитой (в 1795 году), второй Речи Посполитой (в 1939 году — «уродливого детища Версальского договора», по словам Вячеслава Молотова) или в обозримом будущем — Бельгии, Украины или Латвии. Правда, в начале XX века наследник престола Франц-Фердинанд подготовил план спасения суверенитета Габсбургов над их Grossraum’ом ценой подавления венгерских притязаний и выделения славянских земель в отдельную часть империи. Пуля в Сараево и дальнейший отказ Вены нарушать «целостность венгерской короны» поставили жирный крест на Австро-Венгрии — империи, которая в течение последних пятидесяти лет своего существования шла по неимперскому пути.

Итак, из опыта трансформации перечисленных пяти стран в XX веке русские могут извлечь соответствующие выводы о том, какие методы «перестроения» управления империей в целях сохранения суверенитета титульного народа над своим естественным «большим пространством» (Grossraum) могут оказаться спасительными, а какие — гибельными. В то же время следует учитывать, что полного сходства у России ни с одной из этих пяти империй не было. Отсюда специфика

долгого и мучительного русского пути к новой роли в господстве над евразийским пространством.

В истории России есть малоизвестная страница, о которой только-только начали писать в последние годы. Она связана с обсуждением в середине XIX — начале XX века проектов переустройства империи в направлении ее либо «национализации», либо федерализации. Так, в 1850-е и особенно в начале 1860-х годов некоторые западные и прозападные антирусские идеологи стали выдвигать идеи расчленения Российской империи на два десятка государств. Имена этих идеологов, за исключением лишь Александра Герцена, сегодня ничего не говорят даже любителям русской истории, их знают только специалисты. Но их проекты оказались крайне живучими: неслучайно в 1991 году наша страна была разделена де-факто именно на двадцать республик.

В противовес этим планам патриотические силы сгруппировались вокруг Михаила Каткова, который яростно отстаивал принцип гражданского национализма, неделимости суверенитета и единства всей территории Российской империи, но в то же время предлагал расширить свободы — вплоть до предоставления права исповедовать любую религию независимо от этнического происхождения.

Велик вклад Каткова в разоблачение «нацдемовщины» в зародыше. В 1864 году он писал в «Московских ведомостях»: «Давно уже пушена в ход одна доктрина, нарочно сочиненная для России и принимающая разные оттенки, смотря по той среде, где она обращается. В силу этого учения, прогресс русского государства требует раздробления его области понационально на многие чуждые друг другу

государства, долженствующие тем не менее оставаться в тесной связи между собой. Эта мысль может проникать во всевозможные трущобы; она же, переменив костюм, может занимать место в весьма благоприличном обществе, и люди самых противоположных миров, сами не замечая того, могут через нее подавать друг другу руку, она возбуждает и усиливает все элементы разложения, какие только могут оказаться в составе русского государства, и создает новые. Людям солидным она лукаво шепчет о громадности России, о разноплеменности ее народонаселения, об удобствах управления, будто бы требующего не одной администрации; людям либеральных идей она с лицемерной услужливостью объявляет, что в России невозможно политическое благоустройство иначе как в форме федерации; для молодых, неокрепших или попорченных умов она соединяется со всевозможным вздором, взятым из революционного арсенала. Припомним, что воззвания к революции, какие появлялись у нас, прежде всего требовали разделения России на многие отдельные государственные центры. Еще в прошлом году, в мае месяце, в то самое время, когда началось в обществе патриотическое движение, появился подметный листок, в котором чья-то искусная рука сумела изложить эту программу так, что в ней нашлось место и для идеи царя, и для самого нелепого революционного сумбура. Первое место в этой программе будущего устройства России занимает, конечно, Польша, сверх того, кроме Финляндии, помнится, призывались таким же образом к отдельной жизни Прибалтийский край, Украина, Кавказ. В других программах появлялась еще Сибирь». Таким образом, в программе со-

временных расчленителей России типа Алексея Широпаева нет ни одного оригинального пункта, который не был бы известен лондонским политехнологам еще полтора века назад.

В отличие от призывов к единству империи, вторая часть программы Каткова — предложение создать мощные группы русских католиков, русских мусульман и т.д., лояльных государству, — вызвала тогда отторжение как в бюрократической элите, так и среди традиционалистских мыслителей. Как известно, Константин Леонтьев в противовес катковскому проекту выдвинул свой, в котором речь шла о единении православных тюрок, финно-угров, монголов и даже православных тибетцев и индийцев под скипетром русского православного царя. В то же время лишь в 2012 году был впервые опубликован программный черновой текст Леонтьева «Семь столбов новой культуры», рисующий очертания не только будущего Евразийского союза. К сожалению, до сих пор этот текст практически неизвестен даже историкам и политологам и мало цитируется. Его четвертый пункт гласит: «*Великий Восточный Союз* (Россия во главе; Царьград центр; славяне; греки; румыны; мадьяры; турки; персияне; индусы...) Систематическое объединение против западноевропейских и американских государств (противу разлагающейся романо-германской государственности). — Таможенные и т.п. ограничения» (здесь и далее курсив Леонтьева). Пятый пункт предусматривает поощрение браков аристократии с простыми крестьянками, причем не только русскими, но и кавказскими, индийскими, среднеазиатскими, шестой — поощрение в интересах государства (православного в

Франц-Фердинанд в Сараево. 1914 год

В начале XX века наследник престола Франц-Фердинанд подготовил план спасения суверенитета Габсбургов над их Grossraum'ом ценой подавления венгерских притязаний и выделения славянских земель в отдельную часть империи. Пуля в Сараево и дальнейший отказ Вены нарушать «целостность венгерской короны» поставили жирный крест на Австро-Венгрии — империи, которая в течение последних пятидесяти лет своего существования шла по неимперскому пути.

своей основе) мистических конфессий и сект и преследование рационалистических. В седьмом пункте речь идет о переходе к традиционным одеждам и обычаям, новым пляскам и хороводам, «стеснительной и упражняющей роскоши» на всей территории будущего «Великого Восточного Союза». Конечную цель своей программы Леонтьев определял так: «Постепенным ходом дел — создать себе тот дом, тот культурный храм, который будет утвержден на этих 7 столпах, и я хочу надеяться на целый нормальный государственный период, то есть на 1000 или 1200 лет — больше нельзя: и то, вероятно, много. — Дело не в вечности, а в великом следе».

До сих пор не вполне оцененный мыслитель Владимир Грингмут, взяв лучшее из аргументов как Каткова, так и Леонтьева, на страницах «Рус-

ского обозрения» в 1890-1891 годах предложил свой план развития Российской империи, поныне совершенно неизвестный в историографии. Он исходил из того, что фактически Россия уже представляет собой не государство типа европейского, а содружество разных стран и народов евразийского субконтинента, объединенных единой властью. (Подобно тому, добавим мы, как Китай и Индия — это тоже субконтиненты, а их провинции типа Хубэя или Шаньдуна, Бенгалии или Пенджаба соответствуют по своему масштабу Германии или Франции в рамках субконтинента Европы.) Исходя из этого, Грингмут категорически возражал против вмешательства России в дела на Балканах, где у власти уже были прозападные правительства, и предлагал заняться обустройством империи изнутри. Но в каких границах?

В конце XIX — начале XX века Россия, почти лишенная всякого влияния на Балканах, наращивала свою экспансию в южном и восточном направлениях. Покорение Средней Азии (Туркмения была завоевана Михаилом Скобелевым к 1882 году, граница с англичанами в Афганистане установлена в 1885 году, Памир, воспринимавшийся тогда как «арийская прародина», присоединен в 1895 году). Протекторат над Тувой и Монголией, ставший реальностью к 1916 году. Установление официальной сферы влияния в Персии в 1907 и 1916 годах, вызванное пониманием временности условной границы Российской империи в Закавказье, установившейся в XIX веке. Перечисленные шаги представляли собой не столько реализацию заранее продуманной политической программы правительства, сколько серию мер, к которым Петербург был вынужден прибегнуть поневоле, в силу самого потока исторического развития. Отметим в связи с этим крайне важный документ — записку офицера (позже — генерала) Генерального штаба Александра Глуховского 1866 года с обоснованием необходимости таможенного союза России со странами Средней Азии: «Для России необходимо: 1) утвердить свое господство на берегах Амударьи; 2) не допустить утвердиться в Бухаре влиянию какой-либо другой европейской державы; 3) обеспечить жизнь и имущество как своих подданных, так и, по возможности, жителей Средней Азии; 4) развить нашу торговлю. Принимая за главное основание для будущих наших действий достижение этих целей более легким и дешевым образом, России не только не присоединять теперь к своим владениям Бухарское ханство, но даже нет необходимости и делать его

вассальным к нам государством. В том и другом случае от России потребуются большие издержки, и она скорее будет связана во многих своих действиях. Поэтому было бы гораздо полезнее и выгоднее образовать из Бухарского ханства самостоятельного союзника, верность и преданность которого были бы обеспечены самым прочным образом. <...> Было бы полезно образовать впоследствии таможенный союз из России и среднеазиатских ханств и нашу таможенную линию перевести не на Сырдарью, а прямо на Амударью. Уничтожение барьера между Россией и Средней Азией будет много содействовать как развитию нашей торговли, так и прочному утверждению нашего господства в Средней Азии».

Если применительно к Средней Азии эти рекомендации были русским правительством в значительной мере выполнены, то готовности дать такую же степень самостоятельности ранее присоединенным Закавказью и Польше Петербург еще не проявлял. Следствием такой негибкости стали и катастрофа 1917–1922 годов, и то, что Россия опять стоит перед необходимостью буквального осуществления намеченного в записке подполковника Глуховского полтора века назад. Именно по причине указанной негибкости на рубеже XIX–XX веков для правительства России были характерны метания в области национальной политики. То начинали бездумную и бессмысленную русификацию там, где провести ее не было никакой возможности, понапрасну озлобляя поляков, финнов, армян, грузин, немцев. То, напротив, допускали явное ущемление прав русского населения в некоторых частях империи. «Да, у нас всё так: то кулак, то распростертые объятья!» — жа-

ловался Александру Кирееву Николай II, который уже не мог контролировать эти метания администрации.

А тем временем изменилась социально-демографическая ситуация. По итогам Всероссийской переписи населения 1897 года в империи (не считая территорий Финляндии, Хивы, Бухары и Тувы) оказались 69,3 процента православных и 66,4 процента русских (из которых 44,3 процента были великорусами — здесь и далее под «русскими» мы понимаем все три восточнославянских субэтноса, а об «украинстве» упомянем ниже). Да, рождаемость была высокой, смертность снижалась, и к 1913 году население страны выросло в полтора раза. Но несмотря на две трети господствующего народа и первенствующей конфессии, не считаться с оставшейся третью населения уже было нельзя. В то же время 66–70 процентов — это такой показатель, который делал ситуацию в Российской империи резко отличной от ситуации в Германии и Китае, в которых титульный этнос составлял до 90 процентов населения, и от ситуации в Австро-Венгрии и Османской империи, где титульный этнос был в меньшинстве.

Разнобой во мнениях о том, как следует управлять такой империей, усилился после 1905 года. Большинство монархистов-черносотенцев, будучи крайне жестко настроенными по отношению к евреям, полякам, финнам, в меньшей степени — к немцам, грузинам, армянам, в то же время хорошо относились к другим народам империи, особенно мусульманским, и не желали их принудительно русифицировать. Не было единства на этот счет ни среди октябристов, ни среди кадетов. Позицию социалистических партий, стоявших за расчленение Рос-

сии на основе «принципа самоопределения», рассматривать здесь не стоит.

Тем временем между 1905 и 1914 годами родилось несколько вариантов нового русского национализма, предлагавшего сплочение всех этносов в единую гражданскую русскую нацию с единым языком. В конечном счете эта программа логически вела к отрицанию православно-самодержавной традиции и к призывам к отделению окраин (Михаил Меньшиков, отчасти Павел Ковалевский). Так рождался русский «уменьшительный национализм», говоря попросту — великорусский сепаратизм, призывавший к самоубийству собственного народа и лишению его суверенитета над родным «большим пространством» из благих побуждений. В то же время поздние славянофилы пытались найти разумный компромисс между требованиями сохранения русского ядра империи и удержания ее целостности. Интересен проект одного из их вождей — Дмитрия Хомякова, — предложившего в 1906 году разделить два понятия — Русское царство с центром в Москве и Российскую империю со столицей в Петербурге. Последняя включала бы в себя как Русское царство, так и Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Грузию, Армению, Хивинское ханство, Бухарский эмират и пр. При этом с перспективой расширения границ в область славянских стран Восточной Европы и Балкан и в сторону Персии, Уйгурии, Монголии и Маньчжурии. Следует по достоинству оценить оригинальность этого подхода и в то же время признать, что в буквальном виде он был абсолютно нереализуем, однако мог послужить отправной точкой для новых — более реалистичных — проектов.

Михаил Катков (на иллюстрации) яростно отстаивал принцип гражданского национализма, неделимости суверенитета и единства всей территории Российской империи, но в то же время предлагал расширить свободы – вплоть до предоставления права исповедовать любую религию независимо от этнического происхождения.

Первая мировая война поставила, как минимум, три местные проблемы в ряд первоочередных для империи, как это показано в блестящих работах Александры Бахтуриной.

Во-первых, речь шла о Финляндии, фактически не участвовавшей в войне и всё более отдалявшейся от Петербурга.

Во-вторых, о Польше, которой русское правительство обещало очень куцую автономию после объединения немецкой и австрийской части Польши под скипетром Николая II. Когда стало понятно, что этого будет явно недостаточно, правительство прислушалось к требованию Дмитрия Хомякова, Федора Самарина и Льва Тихомирова дать Польше независимость в границах этнического проживания поляков. Соответствующий манифест уже готовился в Совете

министров в конце февраля 1917 года, но этот исторический шанс был сорван революцией.

В-третьих, в начале XX века русскому правительству аукнулась нерешенность со времен Николая I армянского вопроса. Ситуация, когда католикос в Эчмиадзине, избиравшийся по преимуществу турецкими армянам и зачастую подданный султана, становился российским подданным и, сидя в Эчмиадзине, вынужден был лавировать между требованиями Петербурга и своими обязанностями как католикоса всех армян, обострялась в течение всего периода с конца 1820-х. С конца XIX века российский МИД предпочитал скорее подставлять турец-

ких армян под нож башибузуков, чем добиваться автономии для Западной Армении – лишь бы не давать автономию Восточной – российской – Армении. Когда, наконец, русские войска начали громить турецкую армию в Первой мировой войне, опять не было единства мнений о том, должны ли после войны быть создана единая автономная Армения в составе Российской империи или же Западной Армении суждено стать независимым (и прозападным) государством, а Восточной – остаться на положении Эриванской губернии. Великий русский философ Владимир Эренбурх обращал внимание на то, что без незамедлительного поиска пути к полному контролю России над всеми польскими и армянскими землями на условиях, приемлемых для всех, о настоящей победе Рос-

сии в войне не может быть и речи. Приходило время вспомнить рецепт Владимира Соловьёва, учившего, что у каждого народа в Российской империи есть своя земля-мать, но общий отец – русский император. Однако чиновники Министерства иностранных дел так ничего и не придумали вплоть до 1917 года.

Если бы в итоге революции и Гражданской войны победили не большевики, а белые националисты, то в России с высокой степенью вероятности установился бы режим, очень похожий на военно-авторитарные режимы стран Европы или Азии 20–30-х годов (Миклош Хорти, Мигель Primo de Rivera, Бенито Муссолини, Ататюрк, Чан Кайши, Юзеф Пилсудский, Антанас Сметона). Последствия такого режима в отдаленной перспективе предсказать было бы достаточно сложно. Однако победили красные, и это повлекло за собой совершенно иной путь реализации механизма управления единым евразийским пространством. Фактически вступив в противоречие с буржуазным принципом самоопределения, большевики восстановили единую власть на основной части Российской империи. Утратив западные окраины, они в то же время захватили власть в Хивинском ханстве, Бухарском эмирате, Туве (Урянхайском крае) и Внешней Монголии. Но скреплял новое единство не русский народ, находившийся в 20-е годы в явно приниженном и ущемленном положении по сравнению со всеми остальными, и тем более не русский царь, а спаянная марксистской идеологией партия большевиков разнородного состава. Именно ей стал принадлежать суверенитет над евразийским пространством.

Именно в это время, в 20-е годы, особенно интересна ре-

акция русской мысли в эмиграции на свершившиеся изменения. Многие патриоты, националисты, монархисты мечтали вернуться к дореволюционному принципу господства русского этноса и единообразного губернского деления страны. В то время не каждый мог еще осознать, что после того как даже самым мелким этносам большевики дали автономию, отобрать ее назад безнаказанно уже невозможно. Свершившееся было необратимо. Те, которые осознали это и поняли необходимость переосмысления стихийно сложившегося советского федерализма силами свободной эмигрантской мысли, и подняли стяг евразийства. Великая заслуга евразийцев 20-х годов состояла в том, что они открыто заявили о невозможности управлять евразийским субконтинентом старыми способами и о желательности и необходимости сохранить и укрепить единство Евразии под суверенной рукой Москвы. До сих пор не устарела ни одна йота в рецептах Николая Трубецкого, Петра Савицкого, Николая Алексева, Льва Карсавина насчет необходимости перехода от национализма старого типа к общеевразийскому национализму и поиска новой скрепы нашей империи в условиях отсутствия монархии и взамен негодного марксизма-ленинизма. Евразийцы поняли, что в отличие от Австро-Венгрии единство территории бывшей Российской империи сохранилось после 1917 года неспроста. И беречь это единство и дальше — непереносимое условие выживания русского и всех остальных народов Евразии, которые в противном случае обречены на рабство у глобальной системы западного неокOLONиального капитализма.

Требование Николая Трубецкого быть в первую очередь

патриотами единой евразийской московской державы, а во вторую патриотами своей малой родины остается императивом и сегодня. Со своей стороны, юрист Николай Алексеев успешно вырабатывал формулы, которые могли бы решить эту задачу, поскольку принципы административного деления в Советском Союзе были разработаны вопиюще непоследовательно и безграмотно. Философ Лев Карсавин обосновывал эти положения культурологически и на собственном опыте деятельности по включению литовской культуры в симфоническую евразийскую культуру. Историк Георгий Вернадский пытался с этих позиций осветить историю России как динамику евразийского пространства, а не как линейное развитие государства от Рюрика до Романовых. Евразийцы прямо провозгласили, что после 1917 года равно опасными для евразийского единства — а значит, и для русского народа — являются и сепаратизм меньшинств, и сепаратизм великорусских предателей, призывавших дать «независимость» окраинам. Холодным душем для одних и грозным предупреждением для других звучат и сегодня слова Николая Трубецкого: «Перемена роли русского народа в государстве ставит перед русским национальным самосознанием ряд проблем. Прежде самый крайний русский националист все же был патриотом. Теперь же то государство, в котором живет русский народ, уже не является исключительной его собственностью, исключительный русский национализм оказывается нарушающим равновесие составных частей государства и, следовательно, ведет к разрушению государственного единства. <...> Если прежде даже крайнее русское национальное самолюбие

было фактором, на который государство могло опираться, то теперь это же самолюбие, повисившись до известного предела, может оказаться фактором антигосударственным, не созидующим, а разлагающим государственное единство. При теперешней роли русского народа в государстве крайний русский национализм может привести к русскому сепаратизму, что прежде было бы немислимо. <...> Таким образом, в настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником — совершенно таким же, как всякие украинские, грузинские, азербайджанские и т.д. националисты-сепаратисты». Именно такой великорусский сепаратизм, вынесший на гребне своей мутной волны Бориса Ельцина, уничтожил затем страну и разрезал тело русского народа по живому. Но, к сожалению, только после катастрофы 1991 года в России впервые по-настоящему услышали и восприняли другое предупреждение Трубецкого: «В эмиграции преобладают люди, неспособные в своем сознании реализовать объективные сдвиги и результаты революции. Для таких людей продолжает существовать Россия как совокупность территориальных единиц, завоеванных русским народом и принадлежащих на правах полной и нераздельной собственности одному этому русскому народу. Поэтому самой проблемы создания общеевразийского национализма и утверждения единства многонародной евразийской нации эти люди понять не могут. Для них евразийцы — изменники, потому что понятие “России” заменили понятием “Евразии”. Они не понимают, что не евразийство, а жизнь произвела эту “замену”, не понимают того, что их рус-

ский национализм при современных условиях есть просто великорусский сепаратизм, что та чисто русская Россия, которую они хотели бы “возродить”, реально возможна только при отделении всех “окраин”, то есть — в границах этнографической Великороссии».

Следует отметить, что влияние евразийских идей в 30-е годы вышло далеко за рамки собственно евразийства. По сути, евразийский принцип отношений между русским центром и народами окраин был воспринят и национал-большевиками Николая Устрялова, и младороссами Александра Казем-Бека, находившимися под опекой кирилловской ветви Романовых, и, что самое интересное, даже русскими фашистами Родзаевского. Даже у Ивана Ильина — человека с западным образом мышления, немало проклинавшего евразийство в 20-е годы, — в поздних работах 40-х годов современные исследователи разных направлений (например, Андрей Логинов) единодушно находят очень многие евразийские тезисы насчет механизмов будущего управления многонациональной Россией.

Независимо от евразийцев их основные мотивы развил и углубил о. Павел Флоренский в своей работе «Предполагаемое государственное устройство в будущем», написанной в 1933 году в тюрьме, где у него, конечно, не могло быть под рукой евразийской литературы. В частности, весь третий параграф этой работы — «Государственный строй» — содержит программу, не только улучшенную по сравнению с работами евразийцев, но и безусловно применимую и в начале XXI века. Неприкосновенный традиционный уклад жизни каждого этноса в сочетании с политическим единством и официальным рус-

ским языком для всей страны и местными официальными языками в каждой общине — таков идеал, очерченный Флоренским. Порою он подходит очень близко к леонтьевским мыслям: «Плодотворная идея Союза отдельных республик должна быть в дальнейшем изменена по двум направлениям сразу: в сторону большей индивидуализации отдельных республик во всем, что непосредственно не затрагивает целостности государства, и в то же время в сторону полной унификации основных политических устремлений, а это и будет возможно, когда данная республика будет признавать себя не случайным придатком, а необходимым звеном целого. В этом отношении будущий строй должен отличаться от настоящего, при котором автономные республики стремятся подражать Москве в быте, просвещении <...> и вместе с тем не чужды сепаратистических стремлений и неясной мечты о самостоятельности от той же Москвы. <...> Военное дело, органы политического надзора, финансы, [ЧК], разные виды связи, пути сообщения, руководящие начала добывающей и обрабатывающей промышленности, отрасли народного хозяйства общегосударственного значения и, само собою разумеется, сношения с другими государствами должны быть строго централизованы и ведению автономных республик не подлежать. Наподобие автономных республик организуются и области, населенные более однородно, например, РСФСР. Тут дается наибольший простор самостоятельности, инициативе, творчеству; поощряется индивидуализация, дается возможность раскрытия способностей, дремлющих в людях и в территории народа, но вместе с тем политика резко отделяется от *националистиче-*

ских (курсив автора. — М.М.) проявлений».

Далее о. Павел обрисовывал основные черты желательного политического (авторитарного беспартийного), социально-экономического, религиозного, культурного строя нового общества. Особенно важно отметить его призывы к децентрализации образования: институты в каждом регионе должны обслуживать его специфические географические, экономические, геологические нужды, а не находиться в Москве. То, каким образом Флоренский предлагал перейти от советского строя к новому, также в основном повторяет проекты евразийцев. В конечном итоге, согласно этой работе 1933 года, обновленная Россия сможет положить начало отступлению разрушительного индивидуалистического общества Модерна и возвращению иерархического общества Традиции в мировом масштабе.

Евразийские и околеевразийские идеи не могли повлиять на внутреннюю политику СССР непосредственно. Но с конца 30-х годов Иосиф Сталин взял курс на новое возвеличивание великорусов как скрепы для всего Советского Союза взамен негодной скрепы пролетарской коммунистической идеологии. Однако юридически в идеологическое обоснование единства советских республик и в Конституцию СССР никакие изменения внесены не были. То, что Сталин не считал нужным изменить юридическую базу, дававшую полное право республикам на отделение, сыграло роковую роль — особенно после того как уже весной 1953 года сначала Лаврентий Берия, а потом Никита Хрущев стали проводить политику устранения русских с руководящих постов в республиках и ущемления прав русского населения. В скрытой форме эти

тенденции нарастали при Брежнев, что на фоне переселения русских в города (точка 50-процентной урбанизации была пройдена в 1957 году) и катастрофического падения рождаемости кардинально изменило ситуацию уже к 70-м годам. Для дальнейшего понимания перспектив развития евразийского пространства и места русского народа в нем необходимо пристально взглянуть на результаты Всесоюзной переписи населения 1989 года. При общей численности населения СССР в 286,7 миллиона человек русские составляли 69,5 процента (199,4 миллиона), в том числе великорусы — 50,6 процента (145,2 миллиона). Удивительно, но эти показатели значительно (на пять процентов) превышают долю русских вообще и великорусов в частности в Российской империи 1897 года. С учетом огромных потерь русского народа в годы Гражданской войны, голода, коллективизации и Великой Отечественной войны, а также с учетом включения в состав СССР густонаселенного Узбекистана, не охваченного переписью 1897 года, объяснить усиление позиций русского народа к 1989 году весьма сложно. Тем не менее налицо факт: советская национальная политика позволила русскому народу спустя 70 лет после революции не только сохранить, но и упрочить свое положение, что кардинальным образом отличает российскую ситуацию от ситуации с развалинами Германской, Австрийской, Османской и даже Британской империй. Правда, следует иметь в виду, что в 1989 году некоторые представители других этносов также записывались русскими или украинцами из соображений престижности. Однако триединый русский народ, составлявший 70 процентов в государстве, позволил

погубить и расчленил свою страну, что само по себе заставляет сделать не лучшие выводы относительно этого народа. Более того, огромная часть русских (включая и этнических великорусов) оказалась в новейшее время пораженными идеологическим вирусом «украинства», что создает колоссальные проблемы для евразийской интеграции даже в Новороссии. Что еще печальнее, за прошедшее после 1989 года время демографический баланс изменился в худшую для русских сторону. Население всех немусульманских республик бывшего Советского Союза сократилось от 10 до 25 процентов, и лишь

Константин Леонтьев (на фото) в противовес катковскому проекту выдвинул свой, в котором речь шла о единении православных тюрков, финно-угров, монголов и даже православных тибетцев и индийцев под скипетром русского православного царя.

в Российской Федерации и Белоруссии в последние годы численность населения явно стабилизировалась и стала устойчиво расти, в остальных же республиках продолжается обезлюдение. Напротив, население шести мусульманских республик бывшего СССР неуклонно растет. На сегодняшний день, по приблизительной оценке, население постсоветского пространства составляет от 287 до 292,6 миллиона, или около 4 процентов населения земли, то есть практически не изменилось по сравнению с 1989 годом в абсолютных цифрах и уменьшилось в относительных. (Для сравнения: население США выросло с 1990 по 2012 годы с 248,7 до 314,9 миллиона — третье место в мире, а население Евросоюза составляет сегодня около 500 миллионов.) Но из всего постсоветского населения лишь 61,5 процента (180 миллионов) — а не 70 процентов — составляют сегодня великорусы, украинцы и белорусы. За

четверть века их общая численность сократилась на 20 миллионов за счет вымирания, эмиграции или причисления к другим народам тех, которые прежде записывали себя в одну из трех ветвей русского народа. (Несколько миллионов русских, живущих в США, Канаде, Европе, конечно, уже не смогут стать органической частью народа и обречены на ассимиляцию.) С одной стороны, процесс, произошедший между 1989 и 2014 годами, конечно, был страшной демографической катастрофой для триединого русского народа. Но с другой стороны, если бы эти изменения не имели столь обвальный характер, они все равно произошли бы, только более плавно. Русским патриотам и националистам разных направлений в связи с этим можно дать совет не паниковать и мыслить не на годы, а на столетия вперед. Мечта отгородиться от выходцев с юга и востока визами или колючей

провококой абсолютно оторвана от реальности, как показывает мировой опыт. Даже страны, не имевшие колоний и установившие жесткий визовый режим, все равно наводнены мигрантами. Расовый облик США и ЮАР кардинально изменился за последние полвека, и возврата к господству белых там больше не будет. Мечтать об этнической изоляции русских в резервации сегодня столь же естественно, как если бы римляне эпохи домината смехотворным образом мечтали спрятаться на Апеннинском полуострове от варваров — вместо того чтобы строить Римейскую империю на модифицированных принципах. Более того, в искусственных границах Российской Федерации 1991 года русский народ обречен на вымирание и деградацию. Это простая истина, которую упорно не признают не только русофобы из числа либералов и «нацдемов», но и многие умеренные русские националисты.

Таким образом, стратегия развития для русского народа должна исходить из того, что даже при естественном приросте на 1–1,5 процента в год (добиться его сейчас вполне реалистично) прирост азиатских — прежде всего мусульманских — народов все равно будет больше. Что отгородиться от этих народов не будет возможности никогда, ни у кого и ни при каких условиях. Что русский народ по-прежнему нуждается в свободном расселении по всему евразийскому пространству — дабы процветать, размножаться и просто не деградировать. Создание такого пространства для свободного проживания русских по всему постсоветскому пространству одновременно означает и открытость этого пространства для перемещений представителей других народов в рамках общеевразийского законодательства.

И вот здесь встает перед нами во весь рост задача более ясного определения контуров будущего Евразийского союза как единственного пути к выживанию для русского народа и других вымирающих народов нашей Родины (в основном, немусульманских). Пути к трансформации бурных демографических процессов в конструктивное и общепольное русло для южных мусульманских народов. Пути к освождению от диктата транснационального глобального капитала и его западных политических агентов с их навязыванием антитрадиционных «ценностей» — для всех народов Евразии без исключения. До сих пор мы говорили только о пространстве бывшего СССР. Но следует иметь в виду, что политическая практика сегодняшнего дня показала: в Евразийский союз могут в будущем стремиться и многие другие страны — от Венгрии и Монголии до Финляндии и Греции. И даже такие великие региональные державы, как Турция и Иран. Если вспомнить, в каком направлении шла экспансия Российской империи перед 1917 годом, когда к концу Первой мировой войны Россия должна была завладеть восточной половиной Турции и северной половиной Ирана, то удивляться такому географическому охвату не приходится. Но при подобном развитии событий ситуация меняется еще более значительным образом, ведь русский народ при очерченном раскладе уже не сможет быть единственным субъектом принятия решений. До сих пор евразийская интеграция осложнялась тем, что в отличие от Европейского союза, где доминирование Германии уравновешивается ролью Франции, Италии и Бенилюкса — наследников империи Карла Великого, в Евразии

ни одна постсоветская страна не сопоставима по «весовой категории» с Российской Федерацией. Но одного только гипотетического вступления в Евразийский союз Турции и Ирана будет достаточно для того, чтобы Анкара и Тегеран выступали в рамках новообразования как центры, самостоятельные от Москвы, и его структура принципиально изменилась. Даже на бытовом уровне ситуация, когда ежегодно миллион русских студентов будут свободно въезжать в Турцию и Иран, а тамошняя молодежь в таком же количестве появится в России, кажется пока еще непривычной. Тем более непривычно пока слышать о Москве, Анкаре и Тегеране как треугольнике силы на пространстве евразийского континента.

Действительно, на первый взгляд в таком сценарии кроется большая опасность для России и русских. Несомненно, риски велики. Но в действительности в указанных обстоятельствах таятся и новые возможности, а быть может — единственный шанс для выживания русской историко-культурной традиции. Ведь даже без учета названных двух южных держав становится понятно, что уже сегодня, как минимум, Минск, Астана, Ташкент, Ашхабад и Ереван являются в значительной мере самостоятельными игроками на региональном и мировом уровнях. Причем игроками, имеющими немалую свободу рук по отношению и к Российской Федерации, и к Западу, и к Китаю. Задумаемся: что более эффективно? Чтобы в Минске и Ереване сидели бы прямые ставленники Кремля или чтобы там, как сейчас, управляли ответственные и сильные политики вроде Александра Лукашенко и Сержа Саргсяна, подчас объективно делающие для России боль-

ше полезного, чем сам МИД РФ? Советский Союз проиграл материально, морально и геополитически, оттого что неумело пытался держать страны Восточной Европы в качестве вассалов. Теперь, когда народы этого региона, став вассалами США, снова близки — Венгрия тому пример — к тому, чтобы в обозримой перспективе скинуть атлантистское, американское ярмо, неужели они захотят вернуться к ярму московскому?

Цель России-Евразии остается неизменной — «господство над народами» (старый девиз народа хунну), говоря современным языком — суверенитет над евразийским Grossraum'ом. Но средства для достижения этой цели сейчас требуются другие, нежели сто и даже пятьдесят лет назад. России и русским в настоящем положении не нужны и не могут быть выгодны прямые вассалы старого типа. Такой метод в международных отношениях в настоящую эпоху неэффективен. России, находящейся в осаде со стороны мирового капитализма, уничтожающего Традицию, выгодно иметь вокруг себя крупные и независимые ни от кого центры силы, например, Венгрию в Восточной Европе, Сербию и Грецию на Балканах, Иран на Среднем Востоке, Армению в Закавказье, в перспективе — Узбекистан в Средней Азии. После того как эти страны превратятся в независимые региональные державы, именно в силу этого они будут обречены на то, чтобы навечно иметь дружественные отношения с Россией. Снятие визовых, таможенных, экономических, образовательных, культурных, языковых барьеров на огромном континентальном пространстве даст такой кумулятивный эффект для роста экономики и образовательного потенциала Евразийского союза, что он в лю-

бом случае вырвется в узкий клуб мировых лидеров.

Осознать необходимость нового подхода будет непросто тем, которые еще мыслят категориями дореволюционной или советской международной политики. Системы международных отношений XIX–XX веков ушли в прошлое. Наступает эпоха многополярного мира, которая требует наличия геополитических субъектов иного типа — и отношений между ними иного типа.

Разумеется, не все старые методы решения политических проблем уйдут в прошлое. Есть государства, где большинство населения (по крайней мере, более половины) настроено антизападно, консервативно и

Александр Глуховский (1866 год, на фото) обосновывал необходимость таможенного союза России со странами Средней Азии: «Для России необходимо: 1) утвердить свое господство на берегах Амударьи; 2) не допустить утвердиться в Бухаре влиянию какой-либо другой европейской державы; 3) обеспечить жизнь и имущество как своих подданных, так и, по возможности, жителей Средней Азии; 4) развить нашу торговлю. <...> Было бы полезно образовать впоследствии таможенный союз из России и среднеазиатских ханств и нашу таможенную линию перевести не на Сырдарью, а прямо на Амударью».

подчас пророссийски, но слишком пассивно, а марионеточные прозападные правительства упорно проводят антиевразийский курс, губительный для их народов (таковы в той или иной степени Украина, Молдавия, Латвия, Грузия, Монголия, Афганистан, большинство стран Восточной Европы). Есть несколько стран, где большинство населения действительно настроено антироссийски и даже антиирански (Эстония, Литва, Азербайджан, с определенными оговорками — Туркмения и Румыния). Во всех перечисленных случаях, очевидно, в среднесрочной перспективе будет неизбежно применение самого разнообразного арсенала методов и инструментов

изменения текущей нежелательной для нас ситуации, после чего в отдаленной перспективе и там станет возможным переход к более позитивным инструментам евразийской интеграции.

Не исключая прямого присоединения к Российской Федерации при пересмотре «беловежских» границ некоторых территорий согласно волеизъявлению их населения (по крымскому сценарию), вовсе не обязательно делать это правилом. В свое время Отто фон Бисмарк только выиграл, сохранив наряду с Пруссией, Баварией и Саксонией самостоятельность ряда карликовых княжеств, фактически голосовавших в рейхсрате по указке Пруссии. А в разгар

Требование Николая Трубецкого (на фото) быть в первую очередь патриотами единой евразийской московской державы, а во вторую патриотами своей малой родины остается императивом и сегодня.

Первой мировой войны немецкий теоретик замкнутого средневропейского пространства Фридрих Науман предложил перенести на всю Центральную и Восточную Европу принцип, по которому строилась Германская империя. Для описания новой желательной конфигурации средневропейского Grossraum'a, типологически аналогичного нашему евразийскому, тогдашний политик Карл Риглер прибег к следующей метафоре: «Германская империя — акционерное общество с прусским большинством акций, любое включение новых акционеров разрушило бы это большинство. <...> Отсюда вокруг Германской империи — союз государств, в котором империя точно так же имеет большинство, как Пруссия в империи». Кстати, панслависты второй половины XIX века вроде уже упоминавшихся Каткова, Киреева и Николая Данилевского предлагали такую же формулу для описания связи чае-

мых ими самостоятельных славянских государств с Российской империей, за которой оставался бы «контрольный пакет акций».

Применяя это к современной ситуации, мы можем переформулировать: Российская Федерация должна иметь большинство во «внутреннем круге» Евразийского союза, включающем большинство республик бывшего СССР. А весь «внутренний круг» должен иметь большинство, позволяющее осуществлять контроль над широким «внешним кругом» разнообразных стран, которые примкнут к Евразийскому союзу. Да и сам Науман сто лет назад называл российский, евразийский Grossraum

соседом германского, средне-европейского: «Северо-Американские Штаты стараются привлечь к себе все государственные формации в Северной и Южной Америке не для того, чтобы их поглотить, а чтобы руководить ими. Также, но несколько иным образом, Россия собрала вокруг себя все нации, находящиеся на ее окраинах: финнов, поляков, малорусов, кавказские народности, армян, туркмен, тунгусов и т.д.»

Все же подчеркнем: сегодня речь может идти только о принципах будущего Евразийского союза и о консолидации его ядра вокруг Москвы и под ее верховным суверенитетом, а ни в коем случае не о прогнозировании списка стран, которые войдут в это объединение через десять, двадцать, тридцать лет, что было бы безответственным фантазированием. На наш взгляд, невозможно предугадать, как будут обстоять дела с теми странами, которые в силу

своего промежуточного географического и историко-культурного положения пожелают одновременно примыкать к двум или даже трем региональным объединениям, например, евразийскому, европейскому и ближневосточному или средиземноморскому. Не имеет смысла предугадывать, как именно изменятся нынешние границы самих государств — хотя в том, что они изменятся, сомнений быть не может. Очень многое зависит от того, как будут перестроены этнические, конфессиональные, языковые, политические рубежи на Ближнем Востоке (что почти не зависит от России), сохранится ли единство Китайской Народной Республики и т.д. Все эти вопросы рано или поздно встанут в повестке дня. Но только после того как уже будет положено прочное основание Евразийскому союзу, после того как станут общепринятыми его базовые принципы. Обозначим их еще раз:

- ♦ возможность демографического спасения для русского народа и особо близких ему народов, включая свободное расселение и полноправное проживание по всему пространству евразийского субконтинента;
- ♦ возможность направления демографического и социально-экономического подъема мусульманских стран Евразии в конструктивное русло;
- ♦ укрепление экономического суверенитета членов Евразийского союза вплоть до создания относительно самостоятельного хозяйственного комплекса, подъем промышленности и финансовой сферы стран-участниц, их защита от диктата глобального капитала, национализация центробанков;
- ♦ создание целого пояса независимых региональных центров силы на евразийском про-

странстве, среди которых значение Москвы как субъекта принятия решений в условиях многополярного мира будет первенствующим, но не абсолютным;

- ♦ создание условий для широчайшего распространения русского языка, культуры, традиций по всему субконтиненту;
- ♦ вхождение в Евразийский союз всего постсоветского пространства, притом что максимальные границы Евразийского союза и число стран-участниц за пределами бывшего СССР заранее не могут быть спрогнозированы и станут зависеть от того, насколько успешно пойдет становление этого межгосударственного образования на начальных этапах, а также от мировой конъюнктуры.

Какие базовые ценности могут стать скрепой для Евразийского союза в условиях краха коммунистической идеологии и отсутствия монархии? Этот вопрос, поставленный еще ранними евразийцами, требует незамедлительного ответа. Разумеется, личность монарха — общего для всех или хотя бы для части стран будущего Евразийского союза — очень привлекательна. Такой монарх повлиял бы на укрепление евразийского единства самым положительным образом. Вместе с тем очевидных кандидатов на такую роль нет. К тому же даже яркий и сильный вождь не вечен и не может функционально заменить собой легитимную династию. Между тем строительство Евразийского союза должно начинаться прямо сейчас — без ожидания оживления перспектив установления монархии и без жесткой привязки к фигуре императора. А это значит, что скрепой общеевразийского патриотизма должна стать та самая «идея-правительница», о которой говорили евразийцы 20-х годов. Эта идея не может быть чисто не-

гативной («дружить против Запада» или «дружить против радикального исламизма»), она должна содержать в себе и позитивную программу. Такой программой, привлекающей для всех народов Евразии, несомненно, будет поощрение сохранения традиционных религий, этнической и языковой самобытности каждого народа, некоторых патриархальных ценностей традиционного общества, больших и здоровых семей, крестьянства и вообще деурбанизация. Несомненно, при строительстве Евразийского союза следует добиваться формирования единого образовательного пространства, в котором, в частности, ведущие позиции будет занимать русский язык и кириллический алфавит (для большинства языков субконтинента), а официальная трактовка истории в школах и вузах не будет ни русофобской, ни примитивно-пророссийской, замалчивающей спорные и проблемные места, но станет подчеркивать исторические корни единства Евразии начиная с бронзового века и заканчивая нашим временем, уделяя равное внимание всем странам и регионам Евразийского союза. Не у всех народов Евразии было общее прошлое, но все они могут объединиться ради общего будущего — такой посыл должен стать лейтмотивом воспитания и образования в странах-участницах. Воспитание привязанности к своему этносу, к своей малой родине в сочетании с верностью общеевразийскому патриотизму (в идеале — также с верностью фигуре монарха, которого любой вождь может заменять лишь условно и временно) позволит искоренить сепаратистскую пропаганду и фальсификацию истории во всех уголках Евразии.

Русским патриотам старой закалки и националистам следу-

ет трезво принять как данность тот факт, что явное демографическое преимущество мусульманских народов уже нельзя отменить, а это значит, что в интересах России и русского народа следует применить правило: «Не можешь победить — возглавь». Русский православный народ пока еще имеет все шансы возглавить процесс экономической и политической интеграции пестрого многоэтнического пространства Евразии. Уже не составляя большинства по численности, он вполне в силах сохранить религиозную, языковую, культурную доминанту русскости на этом пространстве.

В конечном счете, Евразия — надгосударственное объединение численностью населения от 300 до 500 миллионов человек (в зависимости от числа стран-участниц), в котором этнически русских будет скорее всего менее половины, — должна стать такой же областью широкого и повсеместного распространения русского языка и культуры, какими Византия и католический Запад стали для греко-римской традиции. Путь от старой России к будущей Евразии во многом повторит путь от классической Эллады к эллинистическим царствам, от римлян — к ромеям. И тогда, подобно тому как немцы и сирийцы спустя века после падения Рима учили латынь и греческий и писали романы об Энее и Александре Македонском, точно так же спустя пару столетий латыши и монголы, турки и таджики будут писать на русском языке сказания о подвигах Дмитрия Пожарского или Александра Суворова и по-прежнему считать Москву центром Евразии. Ибо империя не умирает — если ей удастся найти адекватный способ сохранения и передачи Традиции. Традиции русской — и Традиции общеевразийской.